

К 100-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Б. В. АСАФЬЕВА

Композитор, педагог, журналист

Любители музыки старшего поколения помнят, каким событием были премьеры балетов Бориса Владимировича Асафьева «Пламя Парижа» (1932) и «Бахчисарайский фонтан» (1934), блистательно воплощенных на сцене ГАТОБа (ныне Академический театр оперы и балета имени С. М. Кирова), составивших эпоху в советском балетном искусстве.

И тот же Асафьев был хорошо известен как ученый и критик-публицист. Литературный псевдоним Игорь Глебов, которым он обычно пользовался, стоит на десятках книг и сотнях статей.

Размышляя о сложнейших проблемах музыкального искусства и создавая глубокие научные труды, рассчитанные на специалистов, Асафьев в то же время никогда не отрывался от современности, от текущей музыкальной действительности. Значительный этап в жизни Бориса Владимировича связан с предшествующей «Вечернего Ленинграда» — «Вечерней Красной», так называли читатели вечерний выпуск «Красной газеты». Асафьев писал здесь о премьерах театров и Филармонии, о музыке, звучащей в быту и по радио, о новых сочинениях ленинградских композиторов, о музыкантах — исполнителях и гастролерах. Опираясь на Асафьева, редакция проводила дискуссии. Самые ответственные темы освещались с помощью этого замечательного критика. Когда в 30-е годы Асафьева захлестнула композиторская работа и он резко сократил выступления в печати, об этом сожалели все. «Его статьи, рецензии, заметки всегда восхищали читателей. В этих трудах всегда был настоящий темперамент художника, нищущего в музыкальном искусстве правду, красоту и смелость. Мне бы очень хотелось, чтобы Борис Владимирович вновь взялся за перо и стал бы давать оценки явлениям нашей музыкальной жизни», — писал молодой Д. Шостакович.

Новый расцвет литературной деятельности Асафьева пришелся на дни ленинградской блокады. Им владело то вдохновение труда, о котором позже напомнили бессмертные строки О. Берггольц. В оса-

жденном Ленинграде вышла его небольшая популярная книжка о Глике, несколько статей увидело свет в центральной прессе. Но основная масса написанного тогда до поры оседала в ящике письменного стола. Сейчас эти труды — классика нашей музыкальной науки.

Есть люди, которых трудности расслабляют. Других они мобилизуют — именно таким был Асафьев. Он доказывал это не однажды. В годы гражданской войны воинские части нуждались в шефском обслуживании, и Асафьев — сотрудник музыкального отдела Наркомпроса — формирует и направляет концертные бригады, подбирает для них репертуар. Он налаживает в Петрограде работу музыкальных школ, концертную деятельность, участвует в создании Филармонии. Наряду с авторитетнейшими музыкантами входит в директорию Мариинского театра. В 1919 году его избирают профессором музыкального отдела Института истории искусств, и вскоре он становится во главе этого отдела, вместе с молодыми коллегами закладывая основы советского музыкознания. Их пыл не охлаждали ни голодное существование, ни холод в помещении, ни военные опасности. Асафьев подавал пример, увлекал грандиозными перспективами, и молодежь шла за ним. «Мы выдержали. Взяли тем, что, не дожидаясь лучших времен, считаясь с событиями как историческим фактом, твердо решили добиться своего — создать науку о музыке в России», — вспоминал то время ученик Асафьева А. В. Финагин (не так давно в одном из старых ленинградских домов обнаружена часть его архива).

Асафьев был влюблен в родной город, посвящал ему поэтичные строки, любил и знал его замечательные окрестности — особенно Павловск и Пушкин. Концерты в Павловске были его музыкальной школой (он часто гостил тут у бабушки). В Пушкине он прожил семь лет зрелым музыкантом. Но не только музыка была здесь дорога для Асафьева. Совершая частые, иногда многокилометровые прогулки, он всем су-

ществом впитывал неброскую красоту знаменитых ленинградских пригородов. «Каждый мостик, каждый павильон были для него родными местами, и можно сказать, что портрет каждого дерева носил он в своей душе», — вспоминал коллега Асафьева.

Более всего была известна музыкантам последняя ленинградская квартира Асафьева — в доме № 6 на площади Труда (здесь установлена мемориальная доска). Асафьев переехал сюда из Пушкина в 1933 году и прожил в ней почти десять лет: уже после того, как было прорвано кольцо вражеской блокады, он согласился эвакуироваться в Москву. Квартира на площади Труда была своего рода опорным пунктом ленинградской (и не только ленинградской!) музыкальной культуры. Казалось, ее хозяин нужен всем. Сюда приходили и приезжали из других городов балетмейстеры, режиссеры, дирижеры, артисты — Асафьев был для них авторитетнейшим консультантом и соратником в постановке многих спектаклей; здесь бывали музыканты-исполнители, ученые, педагоги, студенты — Асафьев почти 20 лет проработал в Консерватории, организовал в ней и возглавил музыковедческое отделение. От него ждали совета, помощи, просили его написать музыку, рецензию или научную статью. В этой квартире Борис Владимирович заканчивал балет «Бахчисарайский фонтан», здесь им созданы многие другие произведения.

Поразительно, как много успевал сделать этот человек. Что ему помогало, кроме таланта? То, что он умел и любил работать. И очень ценил время — избегал ненужных встреч, пустых разговоров, никчемных заседаний. Но при том до сих пор отличался радужным.

Таким был Борис Владимирович Асафьев — композитор и музыковед, народный артист СССР, лауреат Государственных премий, действительный член Академии наук СССР, наш выдающийся земляк, имя которого носит одна из ленинградских улиц.

А. КРЮКОВ